

пострижения — Анна Колосова). Попав в монастырь из-за своего деспотичного и своевольного отца, который, желая завладеть миллионами дряхлого старика, решил выдать за него свою дочь, она оказалась свидетельницей событий, которые разворачивались в митрополии в предвоенные и военные годы.

Для старообрядческих общин и монастырей была характерна весьма своеобразная психологическая обстановка, создаваемая многочисленными правилами и запретами, которые в Белой Кринице соблюдались особенно строго. Внешне в митрополии все было благопристойно, но внутренние противоречия с годами нарастали все больше и не могли не расшатать окончательно Белокриницкую церковь.

С приходом на Буковину новой жизни эти противоречия усилились, а война стала тем толчком, который способствовал крушению вековых устоев, так почитавшихся престарелыми монахинями и монахами. Этот затхлый, ограниченный мир распался необратимо — такова основная мысль книги.

Жизненный путь Аннушки еще раз убеждает нас в том, что религиозное мировоззрение сковывает творческие силы человека, духовно обедняет его, неизбежно приходит в конфликт с его естественными чувствами и устремлениями. Он убеждает нас и в том, что освобождение от духовных уз религии открывает возможность всестороннего развития творческих сил и является одним из главных условий расцвета человеческой личности.

Достоинство книги Ф. Чашина заключается в том, что она основана на богатом фактическом материале. Автор хорошо знаком и с историей, и с современным состоянием старообрядчества. Поэтому он избежал упрощенного, шаржированного изображения религиозной жизни, какое, к сожалению, еще встречается порой в нашей литературе.

Ф. Чашин подводит читателя к выводу о том, что в условиях современного мира кризис религии — в любой ее разновидности — закономерен и неизбежен. Нет сомнения в том, что его книга вызовет самый живой отклик у широкого круга читателей, а некоторым из них поможет найти свой путь к подлинной духовной свободе.

В. МИЛОВИДОВ,

старший научный сотрудник Института
научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС,
кандидат исторических наук

Побег

И через золото слезы льются
(русская народная пословица)

В широкой Бельцкой степи, с ее небольшими зелеными холмами и щедрым солнцем, всегда прекрасно родился хлеб. Повсюду были раскиданы лоскутки пшеничных и кукурузных крестьянских полей. Но в селе Кунича¹, притаившемся в глубокой балке, предпочитали сажать сады, и оно всегда было богато яблоками и сливами, сладкой виноградной ягодой и вином. Чудесные плоды кунических садов исстари вывозились в больших количествах и пользовались большим спросом.

Перед первой мировой войной появился в селе Анисим Саввич Колосов. Был он старовер. И жители села, тоже староверы, не имели ничего против, чтобы он поселился среди них со своей семьей.

Чем занимался раньше Анисим Саввич — то было неведомо, но узнали люди, что пришел он не с пустой мощной. Начал он с того, что построил в селе просторный крестовик² и купил двадцать десятин плодородной земли. Пшеницу сеять не стал, а по примеру соседей все занял садом.

Не успели окрепшие деревца дать первый урожай, как граница прошла по Днестру и выгодный российский рынок оказался отрезанным. Сбыта на фрукты не стало, хоть сады вырубай. Загрустили кунические: за воз яблок и на пару сапог не выручишь, а из сливы разве что цуйки³ нагонишь. Другой бы мужик быстро в трубу вылетел. Но не таков был Колосов. Понастроил он лозниц⁴ и стал сбывать сухофрукты, больше всего вяленый чернослив. За черносливом перекупщики из самого Бухареста ездили, однако Анисим Саввич от их услуг отказался. С какой стати староверские деньги должны уплывать на сторону? Стал он с иностранными фирмами сам

Ныне в Каменском районе МССР.

² Крестовик — рубленый из бревен дом, разделенный крестообразно на четыре комнаты.

³ Цуйка — домашняя сливовая водка.

⁴ Лозница — примитивная сушилка для фруктов.

торговлю вести. И потекла к нему в карман звонкая монета.

На удивление сельчанам в такое трудное время Колосов быстро разбогател. К крестовику пристроил он по сторонам боковушки, а для дочери — светелку. Теперь дом стал делиться на черную и белую половины. В черной на полатах работники спали, одну боковушку сын Савелий с женой занял, а вторая была отдана младшему — Поликарпу, где он иконы стал писать. Савелия можно было бы и выделить, но Анисим Саввич не хотел: без своего, без доверенного человека в торговых делах трудно. В белой половине все было на кунеческую ногу: мягкие диваны и кресла, венские стулья, горки с дорогим фарфором, сундуки с добром. В гостиной на стенах картины в золоченых рамах, на полу ковры. Над круглым дубовым столом — лампа-молния. Для деловых разговоров стоял еще один стол у дивана. В спальне никелированные варшавские кровати с блестящими шарами на верху спинок, на них высокие перины-пуховики, атласные одеяла. В углу киот¹ с образами и негасимой лампадой. В моленной² стены были увешаны старинного письма иконами в дорогих окладах, а в прикрепленном к полу кованом сундуке хранились ценные бумаги и деньги.

В доме у Колосовых придерживались старины, дедовских законов и обычаев. Первое слово было всегда за главой семьи. Как хозяин скажет — так все и выходило. Хозяин с хозяйкой ладно не жили. А все оттого, что Анисим Саввич жену свою, Матрену, никогда не любил. В женихову пору потерял он было голову от ее младшей сестры Таисьи. А сговор³ родителей был именно о ней, старшей. Таисью, чтоб не мешала, отправили погостить к родственнице в Белую Криницу⁴. Там она хотела руки на себя наложить, да удержалась и в монахини постриглась. Анисима же с Матреной быстренько окружили.

Долго потом Колосов не мог позабыть свою за-

¹ Киот — остекленный ящик или шкафчик для икон.

² Моленная — комната для молений в доме у старообрядцев.

³ Сговор — соглашение родителей жениха и невесты о их браке.

⁴ Имеется в виду женский монастырь. Белой Криницей в ту пору называли и село (на Буковине, за рекой Сирет), и обители, что раскинулись рядом, — мужской и женский монастыри, церкви и покои митрополита.

знобу. Для людей она была теперь сестрой Тикусой. Первое время то и дело ездил к ней, а родным говорил, что на моления. Но потом каким-то образом об этом узнала игуменья¹, и начались у молодого Колосова неприятности. Только-только на ноги начал он тогда становиться, торговлю завел, обрел самостоятельность, и вдруг слухи про него пошли нехорошие, будто в монастыре женском шашни завел. Крепко с ним поговорил отец, видя, что далеко заведет его эта связь, и пригрозил лишить наследства, если наезды эти в Белую Криницу не кончатся.

Не любила и Матрена Анисима, но грубость и равнодушие мужа переносила безропотно. Она считала себя виновницей того, что у сестры жизнь так сложилась. Первые годы ходила по дому, опустив очи долу, ничего не видя, ничего не слыша. Не замечал ее муж — терпела, а бранился — молчала. Но годы шли, и все труднее ей было жить бок о бок с этим человеком, сносить его небрежение. «Чем я заслужила такое? — часто думала она вечерами, когда, умаявшись дневными хлопотами, садилась в одиночестве у окошка. — Дом веду справно, без всяких помощников с таким хозяйством управляюсь, пока он по торговле² ездит. Сынишка, Савелюшка мой, растет да глаз радует — вылитый Анисим. Чего, кажись бы, надобно еще? Ан нет, смотрит волком, все ему не так, все не по нем, а то и вовсе про меня забывает. И мне хоть в воду, мне хуже прислужки жить в этом доме».

Стала Матрена чувствовать порою, как озлобление входит к ней в душу. Потом зачастила на моления в Серковский монастырь³, надеясь, что тоски поубавится. Однажды, когда она с жаром молилась, обратил на нее внимание один монах. Он подметил и молодость ее, и печаль в лице, и то, как, молясь, судорожно сжимала она руки. Подошел к ней, ласково расспрашивал, долго утешал. Чуть оттаяла у нее льдинка в груди. Стали они часто видаться, душевно беседовать. Немножко тепла — и веселее стало, и уже не все черным Матрене казалось. Монах и был рад. «Живой душе калачика хочется», — говаривал он. Слова для Матрены находил самые приятные, каких она с детства не слышала.

¹ Настоятельница монастыря.

² По торговым делам.

³ Недалеко от города Яссы.

Узнал Анисим Саввич про эти моления жены. Вмешался, но поздно уже было. Монахов «калачик» вторым ребенком обернулся. Еще роды не подошли, как Анисим Саввич однажды сильно поколотил жену, во хмелю вернувшись домой. «Знай край, да не падай», — говорили на этот счет соседи, качая головами, осуждая и его и ее.

Родился второй сын, Поликарп, горбатеньким. Анисим Саввич хотел, чтобы бог прибрал мальчишку, но тот, как назло ему, выжил. Понапрасну отец его не обижал, но и лаской не одаривал. Жили они, вроде и не замечая друг друга. С малолетства Поликарп пристрастился к рисованию и теперь уже был завзятым иконописцем, имел много заказов от церквей.

Зато дочку Аннушку, что родилась через три года после Поликарпа, Колосов любил больше всех на свете. Теперь ей уже семнадцать лет исполнилось. Она училась в Бельцах в женской гимназии — случай у староверов не частый. Староверы обычно не стремились дать детям большое образование, но Колосов и здесь выгоду видел. Он рассуждал: «Грамотная девушка, по теперешним понятиям, больше ценится. Ей скоро замуж, так она, выйдя за богатого, и дом со вкусом обставит, и принять гостей, как положено, сможет».

Правда, до сих пор Анисим Саввич думал о замужестве дочери лишь как о будущем, но недавно вдруг жених объявился. Да еще какой! В руках у него чуть ли не вся торговля дунайской сельдью, а сколько баркасов и больших пароходов, лабазов¹ и лавок. «Торговать-то ему сподручно, — думал Анисим Саввич, — живет в Вилкове самом. Невелик городок, да лежит прямо в устье Дуная, у моря».

Повез как-то Колосов Аннушку на знаменитую Пырлицкую ярмарку. Народу там всегда собиралось со всех сторон тьма-тьмущая. У Аннушки каникулы были. Отцу хотелось ей удовольствие доставить, пока от ученья отдыхает. Пусть на людей посмотрит да и свет на нее поглядит. Не зазорно такую дочь людям показать. Еще совсем недавно была длинноногой худенькой девчонкой, а сейчас красивая барышня, легкая и стройная, как колосок, говорит — заслушаешься, взглянешь — глаз не оторвешь от нежного личика, от бровей соболиных,

¹ Лабаз — рыбный склад.

от глаз больших серых, маленьких розовых губок. Когда отец и дочь шли по улице, на них то и дело оглядывались.

...В один из дней повстречали они на ярмарке вилковского купца Сергея Леонтьевича Сухорукова. Вместе побродили в рядах, посидели в трактире. По дороге в гостиницу зашли в ювелирную лавку. Здесь Сухоруков ожерелье янтарное купил и подарил Аннушке. Понравилась купцу девушка. На другой день он уже прощался — нужно было уезжать, ждал его дома пароход.

— Ох и туга у него мошна,— сказал Анисим Саввич дочери,— ох и туга. Куда старику такая пропасть денег?

— Сбросить бы тебе годков сорок,— вроде бы в шутку сказал он Сухорукову при расставании,— глядишь и был бы жених для моей дочки.

Купец, против ожидания, посмотрел на него серьезно.

— А я и теперь в себе силушку чувствую,— скрипучим голосом ответил он, помолчав, и добавил хвастливо:— Вот возьму и посватаюсь, хе-хе-хе...

— Старуху-то куда денешь? То-то и оно...

Больше об этом не говорили, распрощались.

И вот неожиданно после пасхи Сухоруков в Куницу гостем явился. Словно снег на голову свалился. Рассказывал, что вдовцом остался. Хозяин выражал сочувствие, а у самого с ума не сходило: «Неспроста тугая мошна ко мне прикатил. Никак дочку-то мою в жены себе высмотрел, старая перешница!»

Выпили по чарке-другой, и вилковский купец, словно разгадали его мысли, давай свататься:

— Приглянулась мне дочка твоя, Анисим Саввич. Без лишних слов скажу: стар я, люди скажут — в женихи не гожусь, да только ты то в рассуждение возьми, что сколько годочков мне ни осталось,— все мои, все прожить хочу, как нравится, а коли дочку за меня отдашь — ого!— не в накладе будешь. Такой же размах в деле возьмешь, как и у меня. Ну, а Анна Анисимовна — так ей только что жар-птицы будет не хватать. Не хуже придворной княгини заживет, уж как я буду холить ее, угождать ей во всем!— Старик выжидающе уставился на собеседника голубоватыми выцветшими глазами.

Оскорбился для виду Анисим Саввич. А как же — сватается, туда же, а сам не то что в отцы — в деды годится Аннушке. Но все думал отец: «Куда ни кинь, все клин — выгоднее партии девке не сыскать. Молодой мил

лионщик, к примеру, сам своими миллионами управлять бы стал, а мне от того какой прок? Недаром говорят, что дочь — чужое сокровище: растишь, растишь ее, учишь уму-разуму, а потом отдавай в чужие руки. А тут, даст бог, все по-другому повернется. По всему видать, не протянет долго Сухоруков: такая худоба, и грудь впалая, как у чахоточного, под глазами круги синие, на голове плешь — двумя ладонями не прикроешь. Главное же — пьет много. Да... Где ему долго жить... А коли так случится, то с миллионами-то Аннушка хоть куда. Богатая молодая вдова для других миллионщиков, что магнит. Сможет тогда выбрать себе мужа и по любви.— Мысли Анисима Саввича залетели так высоко, что самому стало страшно.— А я понастрою по всей округе фруктовых сушилок, и не будет мне конкурентов. Вот это да, не светило, не горело, да вдруг припекло! Удача настоящая, и сама в руки плывет, как не схватить?»

Целую ночь толковали гость и хозяин с глазу на глаз, закрывшись в моленной. Поладили. Порешили на том, что в случае смерти Сухорукова все капиталы и промыслы перейдут к Аннушке. Волю эту свою он должен был огласить в канун свадьбы при нотариусе. Свадьбу же сговорились готовить немедленно. Перед тем как лечь, долго молились.

Утром оба в дорогу собрались: Колосов за дочерью в Бельцы, жених за сватами в Кишинев.

Перед отъездом Анисим Саввич решил рассказать обо всем жене. Побледнела Матрена, затряслась и в крик на весь дом.

— Что задумал-то, леший! Креста на тебе нет, губитель ты этакий! Мало тебе моих слез было? Отвечай, мало? Теперь доченькиными умыться хочешь? Побойся бога, Анисим, не отдавай дитя на муку такую, умоляю тебя!

— Тьфу ты, безмозглая баба!— сплюнул в сердцах Анисим.— Что с тебя взять, полоумной? Ты бы подумала, какие миллионы к Анке в подол сыплются! Послушай, что я тебе скажу,— примирительным тоном зашептал он ей на ухо,— ты присмотрись к женишку получше, увидишь, какой он испитой. У него на лице написано, что не жилец он. А как овдовеет дочь, так любой будет у ее ног, с ее-то богатством. Вот и выберет она себе друга сердечного на долгую жизнь, опять же с капиталами. Из Куничи мы в приличный город переедем,

дом на широкую ногу поставим. Такое счастье раз в сто лет случается, только лови его да держи покрепче...

— Отстань ты,— оттолкнула его Матрена.— Каким был бессердечным, таким и остался. Разве ладное задумал? Про Сухорукова ведь говорят, что он не только вилковских рыбаков обирает, но еще и убийца. Старуху-то свою, рассказывают, порешил, камнем по голове стукнул и потом в воду столкнул. А басню сочинил, будто сама упала. И ничего ему — деньги-то свое сделали.

— Про то не нам с тобой баять. Власти к суду не привлекли, значит, не виновен.

— Так, рассказывают, он откупился, проклятый нечестивец!

— Не твоего это бабьего ума дело! — рассердился вконец Анисим Саввич.— Сказано — свадьбе быть, и нечего тут размусоливать! Ты вот лучше ложись в постель и скажись хворой, а я поеду к дочери и привезу ее к больной матери.— Он криво усмехнулся.— А тут и жених со сватами подъедет.

— Да пожалей ты канареечку нашу! Неужели бросишь ее в клюв облезлому ворону?

— Нишкни, несчастная! Делай, как сказал... ну! Ложись скорей! Больно много говорить стала.— Муж не скрывал своей злости.— Ты того не знаешь, что у меня было намерение отправить тебя в Костюжены, в желтый дом¹. Там харчи и одежда казенные. А может, в монастырь желаешь? Еще как Поликарп родился, об этом подумывал, да пожалел тогда. А теперь, вижу, в самый бы раз!

— Да неужто хватит тебя на такое?

— Будешь идти супротив — и глазом не моргну!

Колосов пошел запрягать лошадей. Матрена после этого разговора, глаз не осушая, и в самом деле захворала.

Приезд отца удивил Аннушку: она только недавно вернулась с пасхальных каникул и до окончания гимназии оставалось совсем немного.

— Что случилось, тятенька?— спросила она, когда хозяева, на квартире которых она жила, усадили его пить чай.

— Собирайся, дочка. Чаю выпьем — и в дорогу. Приболела мать, тебя очень видеть хочет.

¹ Психиатрическая больница.

— А доктора звали? Что с ней такое?— встревожилась девушка.

— Страшного, я думаю, ничего нет, а все же как бы чего не вышло. За доктором Савелий поехал.

Аннушка стала молча собираться. «Как это на мать непохоже,— подумала она.— Если и случалось ей захворать, она всегда это скрыть старалась, не любила из-за себя кого-то беспокоить. Неужели ей совсем плохо?»

— Ну, готова, дочка? А вздыхаешь что?

— Как не вздыхать, тятенька, у нас экзамены скоро, мне готовиться надо.

— Ладно, потом об этом.

Когда коляска тронулась, Аннушка снова завела разговор.

— Понимаешь, я в общем-то знаю все неплохо, но не мешает и специально позаниматься, повторить все, чтобы на экзаменах быть не хуже других. Да еще и потому это важно, что в университет скоро сдавать. Не забыл ли ты, тятенька, что обещал? Если хорошо гимназию кончу, в Вену со мной поедешь.

— А ты разве не раздумала? Далеконько это от дома, а мне без тебя, ох, как скучно. Да ты вроде и передумала историей-то заниматься.

— Да, тятенька, передумала на исторический поступать, лучше, мне кажется, заняться юридической наукой. Правда, девушкам это не всем интересно, но меня прямо-таки притягивает. Я уже книги кое-какие подобрала, в лавке, что на нашей улице, купила.

— Беда ныне с вами, девками. И куда вы залезть хотите? Нет бы домовничать, мужа богатого выбрать да угождать ему во всем, все вам надо чего-то необычного.

— Чего ж тут необычного? Теперь каждый хочет учиться. А что мы, хуже мужчин? А дома сидеть — тоска смертная.

— А ежели были бы у тебя миллионы, Аннушка, тоже в Вену бы захотела?

— Ты все шутишь,— улыбнулась она.— Что-то не припомню, чтобы у тебя миллионы водились.

Ничего не ответил на это отец, ушел в свои мысли.

Чем ближе подъезжали к дому, тем сильнее волновалась Аннушка. Не терпелось ей мать увидеть, убедиться, что с ней ничего страшного.

...В доме их все ждали. Как подъехали — поднялся